

DOI 10.15593/2224-9354/2018.3.4

УДК 364.64:316.346.36(470.341)

С.А. Судьин, Е.Е. Кутявина, А.В. Курамшев

МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НИЖЕГОРОДСКОЙ СЕМЬЕ

Анализируется взаимодействие между поколениями в современной российской семье. Рассматривается взаимодействие как внутри домохозяйства, так и между домохозяйствами родственными, но проживающими отдельно. В качестве методологической основы выбрана теория обмена; в межпоколенных отношениях выделяются взаимопомощь и обмен различными материальными, нематериальными благами. В основу статьи положено исследование кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета «Воспитание, родительство и детство в современной семье» 2009–2013 годов. Особенности межпоколенных взаимодействий в семье рассматриваются в сопоставлении с моделями семейного взаимодействия Ч. Каитчибаши. Для модели взаимозависимости характерны высокая степень взаимозависимости членов семьи, тесная связь между родственниками, даже отдаленными. Для западной модели – независимость членов семьи, слабые межпоколенные и другие родственные связи, прагматизм. Модель эмоциональной взаимозависимости характеризуется самостоятельностью членов семьи и одновременно высокой ценностью тесных семейных и групповых связей. Результаты исследования подтверждают близость российской модели семейных отношений к модели эмоциональной взаимозависимости и различия с западной моделью независимости. Отношения в российских семьях близкие, неконфликтные, помогающие. Преобладает движение ресурсов от старшего поколения к младшему, а также между супругами (партнерами). Натуральная помощь (взаимные или односторонние услуги, помощь по хозяйству, присмотр за детьми) преобладает над передачей материальных ресурсов. Отмечается высокая консолидирующая роль старшего поколения. Межпоколенные отношения в современной российской семье обеспечивают стабильность семьи как социального института и малой группы.

Ключевые слова: межпоколенные отношения, семья, ресурсы, обмен.

Межпоколенные отношения в современной семье до сих пор остаются одним из наименее изученных аспектов семейной жизни [1]. В отечественной социологии семьи тезис о нуклеаризации современной семьи был одним из фундаментальных [2, 3], поэтому межпоколенные отношения рассматривались как рудимент традиционной семьи, что определяло незначительный интерес социологов к данной проблеме.

© Судьин С.А., Кутявина Е.Е., Курамшев А.В., 2018

Судьин Сергей Александрович – д-р социол. наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского», e-mail: sudjin@mail.ru.

Кутявина Елена Евгеньевна – канд. социол. наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского», e-mail: kutyavina@gmail.com.

Курамшев Александр Васильевич – ассистент кафедры общей социологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского», e-mail: kuramschew@rambler.ru.

Следует отметить, что ряд изменений, происходящих в современном обществе: увеличение продолжительности жизни и увеличение в населении доли пожилых [4], преобладание малодетности [5], раздельное проживание близких родственников и при этом сохранение тесных социальных и экономических связей между ними [6], требуют своего научного объяснения.

Американский исследователь Г. Беккер одним из первых попытался дать развернутое теоретическое объяснение внутрисемейного взаимодействия в рамках новой экономической теории семьи [7]. Основным постулатом этой теории является рационализация внутрисемейных отношений. В семье происходит перераспределение ресурсов, среди которых наиболее значимыми являются человеческий капитал и время. По мнению Г. Беккера, в современной семье особое значение приобретают инвестиции в человеческий капитал детей. Родители могут инвестировать ресурсы в детей разными способами: оставить наследство (имущество, деньги) или вкладывать ресурсы в их образование и другие способы наращивания человеческого капитала детей (забота о здоровье, развитие социальных навыков и т.д.). Семьи часто сочетают обе стратегии. Беккер считал вторую стратегию более выгодной в долгосрочной перспективе [7, с. 442–446; 8].

Отказавшись от атомистической модели семьи как потребительской единицы, Г. Беккер предложил рассматривать семью как мини-фабрику, включающую несколько участников, обладающих разным потенциалом и ресурсами, которые с помощью «производственных факторов» (времени членов семьи, рыночных товаров и др.) выпускают «конечную продукцию» (базовые потребительские блага), при этом ключевым ресурсом являются затраты человеческого времени. Эта теория объясняет различия в уровнях активности на рынке труда членов семьи разных поколений (мужей и жен, дедушек и бабушек, малолетних и взрослых детей и т.д.) через распределение времени членов семьи в зависимости от альтернативной стоимости их времени и производительности в домашнем секторе [7, с. 188, 196]. Теория также связывает распределение власти и влияния в семье с общим объемом ресурсов, которые каждый из членов семьи тратит на ее благо. Тот, кто вкладывает больше всего ресурсов, оказывается более влиятельным не в результате принуждения, а потому что других членов семьи такое распределение ресурсов устраивает [7, с. 269–270].

Общая характеристика выборки. В основу представленного материала положено исследование «Воспитание, родительство и детство в современной семье», проведенное с участием авторов в 2009–2013 годах¹, в рамках кото-

¹ Проект ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, мероприятие 1.2.1 – IV очередь лот № 11, шифр лота 2011-1.2.1-303-028, наименование лота «Проведение научных исследований научными группами под руководством докторов наук в области функциональной прагматики межкультурной деловой коммуникации с участием научно-исследовательских и научно-образовательных организаций Германии», тема ПНИР: «Воспитание, родительство и детство в современной семье»; научный руководитель З.Х. Саралиева.

рого изучалось современное состояние и тенденции развития институтов воспитания, родительства и детства в России, нормы, регулирующие отношения между детьми и родителями, способы и стили родительского общения, варианты помощи и поддержки, в целом, способы взаимодействия между поколениями (общий объем выборки – 1150 чел.).

Был проведен массовый опрос нижегородцев в возрасте от 15 до 40 лет (возрастные интервалы 16–20, 23–30 и 33–40 лет) в 2013 году, дополнительно было опрошено 113 родителей нижегородцев указанных когорт. Выборка опроса являлась целевой, были опрошены биологические родители шестой части основных респондентов – 105 женщин и 8 мужчин. Столь существенные диспропорции по полу обусловлены несколькими причинами:

- четверть родителей (25,7 %) отметили, что актуальный партнер/супруг не является биологическим родителем их ребенка;
- треть родителей не имеют партнера/супруга (14 % в разводе, почти 19 % овдовели);
- в данной возрастной группе мужчин меньше, чем женщин, чем старше, тем больше «дефицит» мужчин;
- мужчины чаще, чем женщины, отказывались от участия в опросе.

Результаты опроса позволяют описать семейные отношения скорее с матерями, чем с родителями вообще. Отношения с матерями более прочные и тесные, не прекращаются после развода родителей [9, 10], переездов и т.п. При обращении с просьбой к основному респонденту о возможности участия в опросе их биологических родителей, он, как правило, давал координаты именно матери.

В выборке присутствуют люди в возрасте от 40 до 72 лет. Старшая возрастная (от 60 и старше) группа – около трети, средняя (от 50 до 59 лет) – 45 %, младшая группа (40–49 лет) – около четверти.

Возрастные группы 40–49, 50–59 лет, 60+ приблизительно соответствуют возрастным интервалам, определенным для основных респондентов (16–20, 23–30 и 33–40 лет).

В выборке несколько превышена доля людей с высоким уровнем образования. Большинство (41 %) имеет высшее образование, 26 % – среднее специальное, 18 % – среднее профессиональное, но почти 10 % окончили только школу, три человека не имеют полного общего образования. Большинство респондентов отнесли себя к православным (74 %), почти пятая часть – нерелигиозны, около 5 % идентифицировали себя как верующие, но нехристиане.

Большинство респондентов (77 %) работают полный рабочий день, еще 10 % работают на полставки, 43 % получают пенсию. Работают много: в общей сложности от числа работающих 20 % работает от 42 до 50 ч в неделю, еще 10 % работает до 60 ч в неделю.

Две трети респондентов более или менее удовлетворены своим здоровьем. Почти четверть (24 %) оценивают свое здоровье как хорошее или очень

хорошее, 46 % считают его удовлетворительным. Треть здоровьем недовольна, 25 % считают его «не особо хорошим», 5 % – плохим.

Большинство родителей живут в небольших домохозяйствах: треть в домохозяйствах из двух человек, 27 % – из трех, 17 % – из четырех. Примерно равные доли – по 11 % живут или одиноко, или в больших домохозяйствах (пять и более человек).

Две трети родителей имеют супруга/партнера, примерно столько же – проживают с супругом/партнером. Число проживающих с партнером лишь незначительно превышает число имеющих супруга/партнера (66 % против 63 %). Из этого можно сделать вывод, что поколение родителей определяет брачные отношения как зарегистрированный брак, сожительство является скорее исключением.

Родительские семьи респондентов были не очень большими: у 38 % был один брат, у 35 % – одна сестра, у 8 % – два брата, у 12 % – две сестры, у 2 % – три брата, у 5 % – три сестры. Получается, что большинство родителей происходит из двух-, трехдетных семей.

Их супружеские семьи тоже невелики – один-два, редко три ребенка. У двух третей есть внуки.

У части родителей еще живы их родители, чаще мать (у 46 %), реже – отец (у 17 %). Взаимодействие с престарелыми родителями довольно тесное – 5 человек живут с родителями в одном домохозяйстве, около 80 % регулярно или ежедневно встречаются с матерями, более 60 % – с отцами. Отношения с родителями оцениваются как близкие и неконфликтные.

Семейные установки и детско-родительские отношения. В детско-родительских отношениях старшее поколение настроено на взаимопомощь [11]. Оказание помощи членам семьи они считают обязательным. Наибольшее единодушие проявляют в отношении следующих видов помощи: «Бабушки и дедушки должны помогать родителям присматривать за детьми, пока те еще маленькие», «Дети должны взять к себе родителей, если они сами больше не могут о себе заботиться», «В случае необходимости взрослые дети должны иметь возможность жить у своих родителей». Несколько умереннее они поддерживают утверждения «Дети должны так организовывать свою работу, чтобы они могли ухаживать за своими больными родителями» и «Родители должны финансово поддерживать своих взрослых детей, если они в этом нуждаются». Относительно обязанности материальной поддержки детей и внуков мнения разошлись.

Для большей наглядности мы несколько модифицировали шкалу ответов, придав качественным характеристикам взаимодействия (редко, часто и т.д.) числовые значения от 1 до 5, где 1 – «никогда», а 5 – «очень часто». Остальные пункты шкалы отражают промежуточные частоты оказываемой друг другу помощи между двумя крайними позициями. Подобная квантификация позволила вычислить средние значения описательных характеристик, не сводимые

к какому-то целому числу, а также среднее квадратическое отклонение (StD), характеризующее разброс ответов в совокупности респондентов по сравнению с их средними значениями. Подобная процедура была применена нами в отношении всех вопросов, имеющих подобную частотную шкалу.

Дополнительно мы привели также модальные значения по каждому пункту шкалы, характеризующие наиболее часто встречающиеся ответы по пятибалльной шкале (табл. 1).

Таблица 1

Родительские установки на семейную взаимопомощь

Высказывание	N	Среднее	Мода	StD
Дети должны взять к себе родителей, если они сами больше не смогут о себе заботиться	250	4,39	5	0,904
Бабушки и дедушки должны участвовать в финансовой поддержке и помощи детей и внуков	251	3,35	3	2,212
Родители должны финансово поддерживать своих взрослых детей, если они в этом нуждаются	251	3,68	5	1,167
Бабушки и дедушки должны помогать родителям присматривать за детьми, пока те еще маленькие	251	4,01	5	1,178
Дети должны так организовывать свою работу, чтобы они могли ухаживать за своими больными родителями	251	4,11	5	1,056
В случае необходимости взрослые дети должны иметь возможность жить у своих родителей	251	3,80	5	1,267

Единственной формой межпоколенной помощи, вызвавшей у респондентов неоднозначные чувства, стала финансовая поддержка детей и внуков родителями, бабушками и дедушками: модальное значение ответов по данной переменной равнялось трем, т.е. находилось в середине шкалы, в то время как все остальные параметры оценивались респондентами в основном максимально. Заметим, что разброс ответов по этому пункту шкалы был наиболее высоким ($StD = 2,212$), что указывает на их высокую вариативность, отражающую неоднозначность установок респондентов относительно данного вопроса. При анализе распределения средних по гендерному признаку выяснилось, что подобные оценки характерны прежде всего для мужчин. Женщины продемонстрировали меньшую категоричность в ответах, соглашаясь с необходимостью финансово помогать своим детям и внукам.

Эти установки вполне соответствуют описаниям реальных отношений с детьми [6]. В табл. 2 приведены формы помощи детям и частота их оказания.

Таблица 2

Формы помощи детям и частота ее оказания

Формы помощи детям	<i>N</i>	Среднее	Мода	<i>StD</i>
1. Совет в отношении личных проблем	251	2,98	3	1,010
2. Достаточно большие денежные или вещевые подарки (больше чем 5000 руб. за подарок)	250	2,76	3	1,063
3. Помощь в заполнении документов, как например, заполнение налоговой декларации, сопровождение при посещении чиновников	245	1,82	1	1,131
4. Финансовая помощь	248	3,11	4	1,414
5. Помощь в осуществлении покупок/работы по дому/ саду	243	2,59	3	1,162
6. Разговаривали о проблемах Вашего ребенка	251	3,25	4	,949
7. Помощь в уходе или присмотре за членами семьи	235	2,37	1	2,406
8. Помощь в выполнении домашних заданий для школы / получении профессии	236	2,25	1	1,476
9. Уход или присмотр за детьми Вашего ребенка	202	2,43	1	1,941
10. Советы по воспитанию ребенка	202	2,33	1	1,821
11. Большие подарки или финансовую поддержку детей Вашего ребенка	203	2,37	1	1,818

Наиболее часто родители оказывают финансовую помощь и выражают готовность поговорить с детьми об их проблемах. В процентном отношении это выглядит следующим образом. За внуками присматривают около 40 % («часто» и «очень часто»), советы давали больше 40 % («часто» и «очень часто»), больше трети помогали ухаживать за другими членами семьи, треть – помогала по хозяйству дома или в саду. Ценные подарки (дороже 5000 руб.) детям делали около 13 %.

По оценкам родителей, почти все виды помощи, оказываемой им детьми, менее регулярны (табл. 3).

Наиболее часто оказываемые виды помощи – содействие в совершении покупок и разговоры о проблемах и заботах. Лишь четверть опрошенных детей помогают присматривать за кем-либо из членов семьи, треть – помогают по хозяйству, 20 % – дают советы по личным проблемам, 12 % – делают крупные подарки, столько же оказывают финансовую поддержку. Вариант «очень часто» встречается заметно реже. Единственный вид помощи, который дети оказывают чаще, чем родители, – помощь в заполнении документов (12 и 6 % соответственно), но такая помощь нужна не каждый день. Родители и дети делятся в основном нематериальными ресурсами (время, помощь, советы) [12].

Если сравнить помощь детей с помощью других родственников, то они оказываются на втором месте после партнера/супруга. Например, денежную

помощь от партнера получают 37 %, от детей – 20 %, от родителей – 14 %, от других родственников – меньше 10 %. Помощь в уходе за членами семьи получают от партнера 29 %, от детей – 22 %, от родителей – 6 %.

Таблица 3

Формы помощи родителям и частота ее оказания

Формы помощи родителям	<i>N</i>	Среднее	Мода	<i>StD</i>
1. Советы в отношении личных проблем	251	2,21	2	0,994
2. Значимые денежные и вещевые подарки (более чем 5000 руб. за подарок)	251	2,18	1	1,037
3. Помощь в заполнении документов, таких как налоговая декларация, сопровождение в хождении по инстанциям	251	1,36	1	0,748
4. Деньги на питание/ финансовую поддержку	251	1,70	1	0,982
5. Помощь в совершении покупок/ работе по дому или в саду	250	2,91	3	1,047
6. Разговаривали о Ваших проблемах и заботах	251	2,80	3	0,970
7. Помощь в уходе или присмотре за членами семьи	250	1,94	1	1,123

Большинство встречаются с детьми ежедневно или почти ежедневно (91 %). Оценивают степень своей привязанности к ребенку как сильную или очень сильную больше 80 %, почти столько же родителей уверены, что ребенок окажет им помощь, если она потребуется. Родители и дети не только помогают друг другу, но вместе проводят досуг: едят, делают покупки, гуляют, посещают культурные мероприятия (перечислено по убыванию распространенности) (табл. 4).

Таблица 4

Взаимодействие с ребенком, совместные действия, %

Как часто за последние 12 месяцев Вы с Вашим ребенком...	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Очень часто
Имели совместные трапезы (дома, в ресторане/кафе)	2,7	11,5	20,4	38,9	26,5
Делали покупки	20,4	29,2	25,7	19,5	3,5
Совершали совместные поездки	22,1	29,2	32,7	15,0	0,9
Посещали культурные мероприятия	43,4	35,4	13,3	5,3	2,7

В целом родители описывают отношения в своей семье как близкие, доверительные, неконфликтные, основанные на взаимопомощи, что подтверждает высокую значимость для них семейных ценностей. Весьма значимым членом семьи для родителей является партнер/супруг [13–15]. Именно партнер наиболее часто оказывает различные виды помощи, с партнером делятся проблемами и переживаниями, у них чаще всего просят совета [16].

Родительский статус ключевых респондентов не препятствует их возможности быть и в статусе детей – такова особенность статусного набора личности, обогащающего межпоколенные отношения подобными коллизиями. Очевидно, что интерес социологов к подобному роду взаимодействий был велик, равно как и количество попыток их концептуализации.

Так, в своей теории семейных моделей или изменения семейных моделей Ч. Каитчибаши описывает *три идеально типичные семейные модели*, которые должны преобладать в определенном историческом и культурном контексте [17]. Здесь противопоставляются друг другу традиционная семейная модель взаимозависимости и современная, прежде всего, западная семейная модель независимости. Третья модель – эмоциональной взаимозависимости является синтезом первых двух полярных концепций и считается, что она развивается в процессе институциональной и экономической модернизации как альтернатива модели независимости в некогда традиционных взаимозависимых культурах. Дадим краткую характеристику этих трех идеально-типических семейных моделей.

1. Семейная модель двусторонней зависимости, или взаимозависимости. Данная модель характеризуется следующими признаками. Семейная структура охватывает широкий круг лиц, даже дальние родственники воспринимаются как близкие и включаются в круг тесных взаимоотношений. Различные виды семейной поддержки осуществляются в направлении от детей к родителям, рождаемость находится на высоком уровне, а женщины в данной модели имеют невысокий социальный статус. Дети представляют собой главным образом экономическую ценность: они не рассматриваются как издержки, а, напротив, представляются необходимой рабочей силой в родительском хозяйстве и единственным источником помощи состарившимся родителям. Модель взаимозависимости является преобладающей в сельских районах аграрных стран с низким уровнем жизни. Из-за того, что сыновья могут принести в будущем больший доход, предпочтение отдается детям мужского пола. Воспитание преимущественно авторитарное и основывается на командной власти родителей и послушании детей. Эта модель социализации, по мнению Ч. Каитчибаши, ведет к формированию межпоколенной и семейной взаимозависимости и в дальнейшем к высокой межличностной взаимозависимости. На первом месте в этой модели стоит сохранение внутрисемейной гармонии.

2. Семейная модель автономности, или независимости. Антиподом традиционной семейной модели выступает семейная модель независимости. Она характеризуется нуклеарной семейной структурой, в которой все виды помощи и поддержки направлены от родителей к детям. Для нее характерны низкая рождаемость и высокий статус женщины в семье. В процессе социализации особая ценность принадлежит личной независимости и индивидуальным (а не коллективным) целям. Дети имеют высокую психологическую,

а также немалую материальную ценность. При этом отсутствует приоритет мальчиков. Воспитание является достаточно либеральным, и ребенок должен стать самостоятельным как можно раньше. Наряду с независимостью от семьи и старших поколений ребенок стремится к общей межличностной независимости. Подобная семейная модель встречается преимущественно в западных странах с высоким уровнем жизни.

Существующие семейные структуры и системы в индивидуализированных обществах не в полной мере корреспондируют с описанной моделью. Более того, даже внутри западного культурного пространства существуют известные различия (например, между Северной и Южной Европой). Кроме этого раздаются голоса, ставящие под сомнение саму картину западных семейных структур. Они указывают на существующий (особенно в США) разрыв между всепроникающей идеологией индивидуализма и фактически наблюдаемым поведением, когда в ряде случаев можно слышать высказывания о нарастающей индивидуализации при сохраняющейся высокой зависимости от поколенных и родственных отношений.

3. Семейная модель эмоциональной взаимозависимости. Культуры не статичны, они находятся в процессе постоянного изменения. Всеми принимается идея о том, что так называемые развивающиеся страны по меньшей мере экономически двигаются в направлении западных индустриальных государств. Остается, однако, спорным, обернется ли их экономическое и промышленное развитие также культурным развитием в направлении западной, независимой общественной и семейной модели. Существует немало кросс-культурных исследований, которые показывают, что снижающаяся материальная зависимость в семье вследствие экономического процветания не приводит автоматически к эмоциональной независимости. Напротив, межпоколенные и семейные связи во многих странах меняются лишь незначительно, а то и вовсе не теряют своей значимости [18]. Более того, исторические исследования показывают, что европейская семейная модель независимости сформировалась задолго до индустриализации. Заимствование экономических структур западного мира не должно означать, что традиционные эмоциональные и социокультурные структуры, которые в прошлом оказывались весьма функциональными, отступят перед новыми структурами западного индустриального общества.

Эта семейная модель встречается преимущественно в городских экономически развитых районах стран третьего мира. Вследствие урбанизации теряет свое значение наследование земельных наделов, благодаря чему снижается значение патриархальности и падает приоритет сыновей. Снижается рождаемость, поскольку число детей в городских условиях больше не является решающим фактором экономической безопасности родителей. Одновременно возрастает статус и общественное признание женщины из-за возросших воз-

возможностей получения образования и трудоустройства. Поскольку материальное обеспечение родителей детьми не так необходимо, как раньше, вектор денежных инвестиций смещается в сторону детей. Стиль воспитания в такой модели эмоциональной взаимозависимости нельзя назвать ни либеральным, ни авторитарным, скорее, авторитетным. Это является результатом сочетания воспитания самостоятельности и одновременно высокой ценности тесных семейных и групповых связей. Стремление ребенка к автономии в городских условиях больше не переживается как угроза в отличие от сельской местности, где все члены семьи ответственны за выживание семьи.

Особенности межпоколенных отношений в российской семье легче проследить при помощи сравнения. В качестве сравнительного материала мы предлагаем взять особенности межпоколенных отношений в немецких семьях, исследованных нами в ходе крупного проекта «Ценность детей и межпоколенные отношения», охватившего свыше двух десятков стран [19].

Очевидно, что российские и немецкие взрослые дочери значительно отличаются друг от друга по целому ряду социально-психологических характеристик. Большие отличия можно было наблюдать по переменным индивидуализм, независимость, семейные ценности и нормативная мотивация. По первым двум немецкие взрослые дочери продемонстрировали значительно более высокие значения, чем российские. При всех трех видах поддержки российские взрослые дочери продемонстрировали более высокие значения, даже после контроля потребности родителей в помощи, причем величина эффекта находилась в области средних значений. Можно указать, что российская выборка относительно индивидуализма показала значительно большую, а относительно материальной и эмоциональной поддержки – меньшую дисперсию. Это говорит о более согласованной позиции российских женщин относительно измеряемых параметров.

Эти результаты показывают на то, что для культурного сравнения гораздо более важную роль играют индивидуалистические ценности и независимое самосознание, нежели коллективистские ценности и взаимозависимое самосознание, относительно которых не было выявлено особых различий. Определяющим оказываются, таким образом, не различия или важности в связи с другими вообще или с семьей, сколько важность того, насколько они определяют возможность самоопределения и конструирования жизни.

Это указывает на то, что автономия и связь возникают одновременно и не обязательно противоречат друг другу, как это описывается в семейной модели эмоциональной взаимозависимости. Семейные ценности, показавшие самое большое различие, в этом смысле не зависят от коллективизма и взаимозависимости: наряду со связью они представляют собой, прежде всего, нормативные иерархические представления относительно семейной жизни. К таковым относятся, например, представления о том, что дети должны слу-

шаться родителей или обязаны поддерживать их в старости. Заметный эффект относительно этих переменных подтверждает гипотезу традиционной семейной модели у российских взрослых дочерей.

Российские взрослые дочери имеют более тесные отношения со своими родителями, что выражается в большей близости и частоте оказываемой им поддержки. Здесь надо указать, что после проверки потребности родителей для обоих видов помощи можно было наблюдать небольшую величину эффекта. Это говорит об известном влиянии потребности в помощи на размер предоставляемой поддержки. Различия для каждого вида поддержки, как уже было сказано, показали похожие значения. Здесь не было обнаружено предполагаемых больших различий для инструментальной, чем для эмоциональной поддержки. Ярко выраженную высокую нормативную мотивацию на поддержку у российских взрослых дочерей следует рассматривать параллельно с различиями в семейных ценностях. Была выявлена и большая традиционность российских респондентов. То, что российские взрослые дочери демонстрируют высокую просоциальную мотивацию, показывает, что они в целом сильнее мотивированы на поддержку собственных родителей.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что российские взрослые дочери предпочитают традиционную семейную модель. Большой традиционализм представляет собой, с одной стороны, меньший индивидуализм/независимость и большую ценность традиционных иерархических семейных структур. Относительно семейных связей не было выявлено каких-либо значимых отличий в соответствующих ценностях и самосознании. Напротив, различия выразились в большей близости российских взрослых дочерей со своими родителями и в их усиленной поддержке. Различия в объемах оказываемой поддержки могут быть обусловлены как более сильной эмоциональной связью, так и более значительным нормативным давлением.

Оба измерения – традиционализм/нормативность и теснота связей, как было отмечено в теории семейных моделей, следует рассматривать вместе с эмоциональной и материальной взаимозависимостью. Поскольку относительно измерения традиционализм/нормативность между российскими и немецкими взрослыми дочерьми были отмечены значительные различия, российских респондентов можно описать через семейную модель взаимозависимости, в то время как немецкие взрослые дочери характеризуются независимой моделью. Тем не менее столь невысокие различия в связях представленных переменных необязательно свидетельствуют о четкой принадлежности. Возможно, что обе культуры могут быть описаны при помощи модели эмоциональной взаимозависимости с той лишь разницей, что в Германии в большей степени выражены независимые, а в России взаимозависимые аспекты.

Поддержка собственных стареющих родителей и связанные с этим ценности и мотивы являются для опрошенных обеих стран важными темами для размышления. По всем прогнозам, в России по мере экономического развития будет построена мощная система социальной защиты, которая сможет взять на себя груз финансовой помощи, который в настоящее время лежит на детях. Напротив, в Германии в настоящий момент наблюдается частичный отход и приватизация системы социальной защиты, поскольку выяснилось, что государственная система не способна обеспечивать поддержку стариков на нынешнем уровне в условиях старения общества (например, в части выплат пенсий или возможностей для ухода).

Задачей обеих стран, таким образом, является поиск равновесия при распределении ответственности за обеспечение стариков между человеком, семьей и государством. Ориентация на семью и связанная с этим готовность высоко ценить и практиковать межпоколенные отношения и связи играют при этом важную роль. В Германии в настоящее время каждый отвечает за свое будущее, откладывая деньги в течение всей жизни. Это отражает господствующий в Германии индивидуализм, когда каждый человек должен заботиться о себе (и возможно о своем партнере). При этом недооценивается важность семейных связей, поскольку финансовая помощь в старости должна дополняться эмоциональной поддержкой.

Многообразие межпоколенных отношений не ограничивается взаимодействием разновозрастных детей и их родителей. Важным элементом, формирующим внутрисемейную преемственность, являются отношения представителей старшего поколения со своими внуками и внучками. Особую актуальность данной теме в современной России придают особенности динамики возрастной структуры страны на современном этапе развития, характеризующейся возрастанием как доли лиц «третьего возраста», так и увеличением суммарного коэффициента рождаемости, выражающимся в росте количества детей, точнее, внуков, если речь идет о степени родства с представителями старших поколений. Вопрос об особенностях взаимодействия бабушек со своими внуками авторами уже поднимался [20, 21], и в ближайшее время эта тема получит развитие на основе результатов новой серии исследований.

Подводя итоги, можно сказать, что межпоколенные отношения в современной российской семье являются одними из наиболее значимых факторов, обеспечивающих стабильность семьи как социального института и малой группы. Несмотря на раздельное проживание, характер и интенсивность межпоколенных отношений и трансфертов остаются высокими, что свидетельствует о более сложной организации межличностных взаимодействий в современной семье. Преобладающее направление ресурсов (как материальных, так и нематериальных) – от старшего поколения к младшему, а также горизонтальное – между партнерами.

Список литературы

1. Жизненные миры современной российской семьи / З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова [и др.]. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. – 264 с.
2. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. – М.: Мысль, 1979. – 367 с.
3. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. – СПб.: Петрополис, 1998. – 272 с.
4. Саралиева З.М., Балабанов С.С. Пожилой человек в Центральной России // Социологические исследования. – 1999. – №12. – С. 54–64.
5. Кутявина Е.Е., Курамшев А.В., Мифтахова А.Г. Ответственное деторождение в репродуктивных установках современных женщин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 81–87.
6. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Партнерские отношения в большом городе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 84–89.
7. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
8. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Дети как жизненная ценность // Россия реформирующаяся. – 2009. – № 8. – С. 393–403.
9. Ермилова А.В. Жизнь после развода в восприятии детей: социологический анализ // Женщина в российском обществе. – 2016. – № 1. – С. 69–79.
10. Ермилова А.В. Развод глазами ребенка: социологический анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. – 2015. – № 13. – С. 115–120.
11. Егорова Н.Ю. Родительско-детские отношения в браках и сожительстве // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 3. – С. 23–30.
12. Егорова Н.Ю., Сизова И.Л. Распределение трудовых и домашних обязанностей в современной семье // Личность. Культура. Общество. – 2014. – Т. 16, № 1-2. – С. 204–212.
13. Гурко Т.А. Брак и родительство в России / Ин-т социологии РАН. – М., 2008. – 324 с.
14. Егорова Н.Ю. Трансформация супружества в контексте семейных ценностей // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2017. – № 2. – С. 18–32.
15. Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 118–123.
16. Воронин Г.Л., Егорова Н.Ю. Модель определения формы супружества: социально-демографические факторы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. – 2017. – № 3. – С. 71–78.

17. Kagitcibasi C. Family, self, and human development across cultures: Theory and applications. – Hillsdale, N.Y.: Erlbaum, 2007. – 464 p.
18. Families across cultures / J. Georgas, J.W. Berry, F.J.R. van de Vijver, C. Kagitcibasi, Y.H. Poortinga. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006. – 552 p.
19. Intergenerationale Unterstützung / T. Klug, B. Mayer, S. Sudjin, G. Trommsdorff // ZSE Zeitschrift für Soziologie der Erziehung und Sozialisation. – 2009. – № 1. – S. 45–58.
20. Курамшев А.В., Кутявина Е.Е., Судьин С.А. Бабушка в системе внутрисемейных отношений: социологический анализ // Женщина в российском обществе. – 2017. – № 3. – С. 70–79.
21. Судьин С.А. Бабушка: социально-психологический и социально-ролевой портрет // Ценность детей и межпоколенные отношения. – Н. Новгород: НИСОЦ, 2008. – С. 167–178.

References

1. Saralieva Z.Kh., Blonin V.A., Egorova N.Iu. et al. Zhiznennye miry sovremennoi rossiiskoi sem'i [Life worlds of the modern Russian family]. Nizhny Novgorod, State University of Nizhny Novgorod, 2015, 264 p.
2. Kharchev A.G. Brak i sem'ia v SSSR [Marriage and family in USSR]. Moscow, Mysl', 1979, 367 p.
3. Golod S.I. Sem'ia i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz [Family and marriage: historical and sociological analysis]. Saint Petersburg, Petropolis, 1998, 272 p.
4. Saralieva Z.M., Balabanov S.S. Pozhiloi chelovek v tsentral'noi Rossii [An elderly man in central Russia]. *Sociological Studies*, 1999, no. 12, pp. 54–64.
5. Kutiaivina E.E., Kuramshev A.V., Miftakhova A.G. Otvetstvennoe detorozhdenie v reproduktivnykh ustanovkakh sovremennykh zhenshchin [Responsible reproduction of the modern woman]. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences*, 2014, no. 2, pp. 81–87.
6. Saralieva Z.Kh., Balabanov S.S. Partnerskie otnosheniia v bol'shom gorode [Cohabitations in a big city]. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences*, 2012, no. 1, pp. 84–89.
7. Bekker G.S. Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod [The economic approach to human behavior]. Moscow, State University – Higher School of Economics, 2003, 672 p.
8. Saralieva Z.Kh., Balabanov S.S. Deti kak zhiznennaia tsennost' [Children as a vital value]. *Rossiiia reformiruiushchaisia*, 2009, no. 8, pp. 393–403.
9. Ermilova A.V. Zhizn' posle razvoda v vospriiatii detei: sotsiologicheskii analiz [The perception of children's life after the divorce: a sociological analysis]. *Woman in Russian Society*, 2016, no. 1, pp. 69–79.

10. Ermilova A.V. Razvod glazami rebenka: sotsiologicheskii analiz [Divorce through the eyes of a child: a sociological perspective]. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences*, 2015, no. 13, pp. 115–120.

11. Egorova N.Iu. Roditel'sko-detskie otnosheniia v brakakh i sozhitel'stvakh [Parental and child relationships in marriages and cohabitations]. *Woman in Russian Society*, 2008, no. 3, pp. 23–30.

12. Egorova N.Iu., Sizova I.L. Raspredelenie trudovykh i domashnikh obiazannostei v sovremennoi sem'e [Distribution of work and household responsibilities in a modern family]. *Personality. Culture. Society*, 2014, vol. 16, no. 1–2, pp. 204–212.

13. Gurko T.A. Brak i roditel'stvo v Rossii [Marriage and parenthood in Russia]. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2008, 324 p.

14. Egorova N.Iu. Transformatsiia supruzhestva v kontekste semeinykh tsennostei [Transformation of marriage in the context of family values]. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2017, no. 2, pp. 18–32.

15. Saralieva Z.Kh. Subinstitut roditel'stva v sovremennykh semeinykh sistemakh [Subinstitute of the parenthood in modern family systems]. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences*, 2014, no. 2, pp. 118–123.

16. Voronin G.L., Egorova N.Iu. Model' opredeleniia formy supruzhestva: sotsial'no-demograficheskie faktory [A model for determining marriage form: socio-demographic factors]. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences*, 2017, no. 3, pp. 71–78.

17. Kagitcibasi C. Family, self, and human development across cultures: theory and applications (2nd ed.). Hillsdale, NJ, Erlbaum, 2007, 464 p.

18. Georgas J., Berry J.W., van de Vijver F.J.R., Kagitcibasi C., Poortinga Y.H. (Eds.) Families across cultures. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2006, 552 p.

19. Klug T., Mayer B., Sudjin S., Trommsdorff, G. Intergenerationale Unterstützung. *ZSE Zeitschrift für Soziologie der Erziehung und Sozialisation*, 2009, no. 1, pp. 45–58.

20. Kuramshev A.V., Kutiavina E.E., Sud'in S.A. Babushka v sisteme vnutrisemeinykh otnoshenii: sotsiologicheskii analiz [Grandmothers in the system of intergenerational relations in the family: sociological analysis]. *Woman in Russian Society*, 2017, no. 3, pp. 70–79.

21. Sud'in S.A. Babushka: sotsial'no-psikhologicheskii i sotsial'no-rolevoi portret [Grandmother: socio-psychological and socio-role portrait]. *Tsennost' detei i mezhpokolennye otnosheniia*. Nizhny Novgorod, NISOC, 2008, pp. 167–178.

Оригинальность 95 %

Получено 22.05.2018 Принято 29.06.2018 Опубликовано 28.09.2018

S.A. Sudin, E.E. Kutyavina, A.V. Kuramshev

**INTERGENERATIONAL RELATIONS IN MODERN FAMILIES
IN THE REGION OF NIZHNY NOVGOROD**

The paper discusses intergenerational interaction in a modern Russian family which is considered both within the household and between relatives who live separately. The theory of exchange forms the methodological basis of the research in hand, intergenerational relations are outlined by mutual aid and exchange of various material, non-material benefits. The paper is based on the research of the Department of General Sociology and Social Work of Nizhny Novgorod State University "Education, Parenthood and Childhood in a Modern Family", 2009-2013. The paper studies the peculiarities of intergenerational interactions in family with reference to the models of family interaction suggested by C. Kaitchibashi. The model of interdependence is characterized by strong interdependence among family members, close relationships between relatives, even distant ones. The western model suggests independence of family members, weak intergenerational and other related links, pragmatism. The model of emotional interdependence is characterized by independence of family members and, at the same time, high value of close family and group ties. The results obtained in the study confirm the closeness of Russian family relations model to the emotional interdependence model and differences with the western model of independence. The relations in Russian families are close, non-conflicting, supporting. The flow of resources from older generations to younger ones, as well as between spouses (partners), prevails. Natural assistance (mutual or one-side services, housework help, childcare) overweigh transfer of material resources. The paper also puts emphasis on strong consolidating role of older generations. Intergenerational relations in a modern Russian family ensure the stability of the family as a social institution and a small group.

Keywords: intergenerational relations, family, resources, exchange.

Sergey A. Sudin – Doctor of Sociology, Associate Professor, Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, e-mail: sudjin@mail.ru.

Elena E. Kutyavina – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, e-mail: kutyavina@gmail.com.

Aleksandr V. Kuramshev – Sociologist, Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, e-mail: kuramschew@rambler.ru.

Received 22.05.2018 Accepted 29.06.2018 Published 28.09.2018